

Глаза девочки были крепко зажмурены, лицо — мертвенно-бледным, что ясно указывало на то, что она умерла уже давно. Ее руки были трижды опутаны веревками, впившимися в кожу так сильно, что багрово-красные полосы наводили ужас.

Эта шайка бросила в реку несколько медных монет, а затем зачерпнула речной воды и плеснула на мертвую девочку. Ее отец залился горькими слезами, и чем громче он плакал, тем гуще становились блуждающие поблизости блуровые огоньки. В горных ущельях тоскливо были дикие лисицы, вторя его плачу, отчего эта ночь казалась еще более жуткой и зловещей.

— Свадьба Минь-гуна, — процедив сквозь зубы эти слова, банда опустилась на колени прямо в реку и, зачерпывая воду, дружно прокричала: — Почтенно просим малых духов нести паланкин!

Тут послышался плеск воды — хлюп-хлюп, — и из речного изгиба выплыл старый свадебный паланкин, покачиваясь из стороны в сторону. Он то поднимался, то опускался, и на четырех его углах непрерывно звенели бубенчики. Звук этот до боли напоминал тот шум, что только что устроила колдунья, но вот места носильщиков были абсолютно пусты — кругом не было ни единой живой души!

Эти люди, судя по всему, давно привыкли к свадьбам Минь-гуна: с пустыми и безжизненными взглядами они наблюдали под всплески воды за этой жуткой, кровь стыдящую в жилах картиной. Паланкин качнулся вплотную к берегу, и отец, подняв руки, втокнул девочку внутрь. Но в этот самый момент мертвая девчушка внезапно распахнула глаза и уставилась на отца неподвижным, в упор направленным взглядом.

Кто-то испуганно выкрикнул:

— Плохо дело, затянули слишком надолго, злой дух вернулся!

Зрачки девочки превратились в вертикальные щели, приобретая нечеловеческие черты, а волосы и ногти начали расти с безумной скоростью:

— Я не выйду замуж... хи-хи-хи...

Ее отец к тому моменту уже валялся рядом в полном оцепенении, вопя:

— Быстро, скорее задергивайте занавеску!

Вся шайка сбилась в кучу, совместными усилиями пытаясь затолкать девочку обратно в паланкин. Ее руки и ноги были давным-давно крепко связаны, а на узел, должно быть, наложили какое-то заклятие, не позволявшее ей вырваться. Она жалобно простонала:

— Батюшка!

Этот возглас прозвучал как расколовшее небеса землетрясение, пронзая сердце насквозь. Но

отец ее будто обезумел:

— Раз свадебный паланкин уже здесь, отступить никак нельзя! Добрая моя девочка, какое у тебя еще заветное желание? Отец все исполнит...

Приговаривая так, он изо всех сил навалился на нее, намертво вжимая девчонку в паланкин. Девочка взвизгнула:

— Какой ты мне отец? Какой ты к черту отец!

Как раз в этот момент налетел порыв пронизывающего ледяного ветра и перевернул лодку. Люди попадали в воду, взметнув фонтаны брызг. Цзян Чжо наступил ногой на дышло паланкина, удерживая кружащееся в водовороте сидалище в равновесии.

— Это еще что такое? — с улыбкой, в которой не было и тени веселья, произнес он. — Человек русским языком сказал, что не хочет замуж, а вы словно оглохли.

Речная вода обжигала холодом, и отец заикаясь забормотал:

— Конец... Всему конец! Нанесли оскорбление Минь-гуну, в будущем году жди великих бедствий...

Не успел он договорить, как по реке взметнулись волны, раскидав всю шайку в разные стороны. Выпучив глаза на середину речного плеса, они в панике завопили:

— Минь-гун! Минь-гун идет!

К тому моменту речная гладь уже сплошь покрылась роем тускло светящихся фосфоресцирующих огоньков. При их синеватом свечении Цзян Чжо разглядел, как в воде к ним что-то приближается.

— Всплеск! —

Бурый хребет чудища, словно небольшой горный кряж, то появлялся, то исчезал под водой. От ударов волн паланкин должно было изрядно трясти, но благодаря Цзян Чжо он стоял недвижно, будто воткнутый в пучину умиряющий волны волшебный посох, и девочка внутри сидела тихо, как мышь под веником.

Минь-гун сделал круг вокруг паланкина, и поднятые им волны образовали кольцо. Над горной грядой гроыхнуло, сверкнула молния — слухи не враз, появление Минь-гуна неизменно вызывало ливень. Из-за этого в горах поднялся злоеший буйный ветер, одежды Цзян Чжо затрепетали и взметнулись вверх, а вокруг повисло напряжение, готовое разрешиться битвой в любую секунду. Однако, странное дело, едва закапал дождь, как Минь-гун погрузился в реку и исчез.

Тяньнаньсин крикнула издалека:

— Четвертый брат, он учуял твой запах и, должно быть, сбежал.

Цзян Чжо бросил:

— Я спущусь взглянуть.

Сказав это, он легко толкнул носком паланкин, отправляя его к Тяньнаньсин. Та подхватила паланкин и, вспомнив что-то, крикнула:

— Подожди! Четвертый брат, ты же не взял Коралловую Подвеску...

На реке бурлили пенные волны, но ее четвертого брата и след простыл.

Цзян Чжо начертал Талисман Избегания Воды, и после погружения на него не упало ни единой капли. Он преследовал Минь-гуна какое-то время, но тот плыл с невероятной скоростью и в мгновение ока скрылся из виду. Под водой царил крошечный мрак; Цзян Чжо призвал Путеводный фонарь и почувствовал, что поисковый талисман совсем рядом. Положившись на чутье, он двинулся вперед и спустя совсем немного времени действительно обнаружил Храм Минь-гуна.

Этот Храм Минь-гуна оказался гораздо больше того, что стоял на горе Саньян. Впереди возвышались два каменных столба, видом подражавшие двум Небонесущим Колоннам — с ними Цзян Чжо был знаком лучше всего, ведь гора Бэйлу являлась одной из таких колонн. Подойдя ближе, он обнаружил, что обе каменные колонны сплошь покрыты высеченными Божественными Речами Наставления. Вокруг стояла такая темнота, что при свете одного лишь Путеводного фонаря рассмотреть детали не получалось. С трудом разобрав пару иероглифов вроде истинный владаркофф и запись имени, Цзян Чжо решил, что перед ним нечто вроде официального хвалебного текста.

Он заподозрил, что храм воздвигнут Управлением Тяньмин, но разглядеть толком ничего не смог. Тогда он поднялся по ступеням внутрь, намереваясь осмотреться на месте. Переступив порог, он с удивлением обнаружил, что внутри нет ни капли воды — словно на суше находился.

Внутри стоял лишь двухметровый жертвенный алтарь, на котором красовалась табличка с именем Минь-гуна. Уловив слабый запах сырости и рыбной вони, Цзян Чжо догадался, что Минь-гун обычно отдыхает здесь, свернувшись кольцами, раз уж углы алтаря оказались донельзя стертыми. Забравшись на алтарь и оглядываясь по сторонам, он внезапно услышал знакомое шуршание: хлоп-хлоп — звук приближающегося свадебного паланкина.

Странно, ведь прежний паланкин он только что отдал Тяньнаньсин, откуда взялся еще один?

Цзян Чжо обернулся и увидел нескольких мелких духов с синими лицами и торчащими клыками, изо всех сил тащивших паланкин. С виду он был самым обычным, ничем не

отличаясь от предыдущего, но странность заключалась в том, что весь его корпус был густо, сплошь усеян талисманами.

Небесные талисманы низвергают мириады злых духов, истинный смысл сокрушает нечисть и скверну.

Первые два талисмана у входа предназначались для умиротворения великого зла!

Автор пишет:

Благодарю за чтение.

Пещера Ученого

— Бах!

Паланкин опустился на землю, и воцарилась тишина. Мелкие духи невесть отчего прямо на месте обратились в клубочки сизого дыма, словно испугались до смерти. И это было еще страннее: Цзян Чжо отродясь не слыхивал, чтобы духи могли умереть от страха перед другими духами. Неужели в этом паланкине сидит вовсе не невеста, а нечто иное?

Заинтригованный, он спрыгнул с алтаря и, пока Минь-гун еще не вернулся, обошел вокруг паланкина, с любопытством разглядывая наклеенные на него талисманы.

Дивно, до чего же дивно.

Оказывается, все талисманы на паланкине были начертаны с невероятной свирепостью. Помимо тех двух главных, здесь имелись обереги от нечисти и отгонения злых духов, а на самых краях оглобли были высечены канонические заклинания против пороков. Эти талисманы пестрели и громоздились друг на друга, отчего у Цзян Чжо рябило в глазах.

Секта Пошо тысячелетиями господствовала на горе Бэйлу, собрав и записав неисчислимое море талисманов и заклинаний. Учитель с самого детства, стоило Цзян Чжо научиться ходить, швырял его в эту бездну свитков, так что всевозможные талисманы отскакивали у него от зубов. И все же даже при всем при этом он не мог опознать абсолютно все начертания на этом паланкине. Однако в одном он был уверен наверняка: все эти заклинания вышли из-под руки одного-единственного человека. Притом человека исключительно могущественного и прожившего долгую жизнь.

Чем дольше Цзян Чжо всматривался, тем страннее ему казалось. Пусть Минь-гун и внушал ужас, у него не было подобных способностей. Не говоря уже о том, умеет ли вообще Минь-гун чертить талисманы — стоило выдернуть хотя бы парочку начертаний с этого паланкина, как от самого Минь-гуна не осталось бы и пепла. И уж тем более это не могло быть творение Управления Тяньмин — вовсе не из-за того, что он, Цзян Чжиинь, страдал высокомерием и презирал Управление Тяньмин. Просто Управление Тяньмин было основано всего два с небольшим десятка лет назад; среди его служащих хватало укротителей духов и чиновников

Цзи, а вот знатоков искусства талисманов можно было пересчитать по пальцам.

Раз это не Минь-гун и не Управление Тяньмин, то кто же начертал талисманы на этом паланкине? Неужели в этих горах скрывался еще какой-то мастер? И что же затворено внутри?

Пока Цзян Чжо предавался раздумьям, из-под жертвенного алтаря донеслись глухие стуки. Скосив глаза, он увидел вылезающих оттуда двух красноволосых малых духов, которые, затянув песню, принялись плясать и дуть в музыкальные инструменты. Затем в храме одна за другой вспыхнули лампы вечного огня, и из-под алтаря полезло всё больше и больше мелкой нечисти.

Цзян Чжо подул на Путеводный фонарь, сложил пальцы в печать Техники Невидимости и позволил духам прошествовать мимо него по обе стороны. Мелкие духи вновь взвалили свадебный паланкин на плечи и, покачиваясь, направились к алтарю. Ему было лень идти следом, и он просто уселся на оглоблю, позволяя нечисти подвезти его с ветерком. То ли ему показалось, но в тот момент, когда Цзян Чжо опустил на сиденье, дыхание невесты внутри на миг замерло, будто от крайнего изумления.

Под звуки барабанов и духовых алтарь медленно раздвинулся, открывая широкий каменный проход. Дорога, сплошь увешенная красными шелковыми лентами, выглядела как самый настоящий свадебный путь. Мелкие духи так трясли его при ходьбе, что в голове слегка зашумело, но, к счастью, туннель оказался коротким: не прошло и мгновения, как они добрались до конца, где открылся совершенно иной мир.

В конце концов они вышли в огромнейшую горную пещеру — в нее свободно поместилось бы три таких Храма Минь-гуна. Внутри свистели жуткие темные ветры и царил кромешный мрак; лишь в самом своде зияла дыра шириной в четыре человека — судя по всему, через нее Минь-гун обычно выбирался наружу. Земля была сплошь завалена илом, грудями костей и рванными обрывками свадебных нарядов, а также размолоченными в щепки паланкинами. Судя по всему, это местечко служило для Минь-гуна складом припасенных невест.

Мелкие духи шлепали по костям, устилавшим пол, пробираясь вглубь то глубоко, то мелко погружая ноги в грязь. В глубине стоял невиданный прежде Цзян Чжо алтарь, и стоило духам опустить на него паланкин, как вокруг вспыхнули язычки блуждающих огней.

— Почему сегодня так поздно? — внезапно раздался голос, пропитанный ядом, мрачный и зловещий.

Мелкие духи рухнули ниц, что-то забормотав на своем птичьем языке. Собеседник холодно хмыкнул, и из синего пламени соткалась человеческая фигура:

— Если сорвете мое великое дело, живьем предам вас в жертву! А где Минь-гун? Живо выползай!

Духи принялись отвечать поклонами в сторону неба. Сверху, из дыры в своде, послышался

хруст осыпающихся камней, и громоздкое тело Минь-гуна медленно скользнуло вниз, всплывая в пещеру. В окружении фосфоресцирующих огней Цзян Чжо наконец разглядел истинный облик Минь-гуна.

Это был гигантский бурый питон с головой молодого быка и туловищем в обхват с большую бочку. Скользя кругами вокруг алтаря, он походил на высокую крепостную стену, а в конце концов медленно свернулся огромным холмом.

Человек обращался с Минь-гуном без малейшего почтения:

— Мое искусство сегодня ни капли не продвинулось вперед, уж не выплюнул ли ты обратно тех людей, которых сожрал?

Минь-гун склонил голову и промолчал. Тот человек внезапно пришел в ярость, со всего маху пнув чудовище ногой со словами:

— Ах ты, тварь поганая, смеешь портить мне практику! Неблагодарная скотина! Я ведь из конца в конец исходил все земли, выискивая для тебя невест! Не будь меня, твоя шкура давно бы висела на стене у какого-нибудь сборища нечисти, а жилы пустили бы на волшебные артефакты!

Упомянутый «представитель сборища нечисти» преспокойно сидел на оглобле паланкина, поигрывая складным веером. Голос этого человека казался ему до боли знакомым, и пока он не успел толком задуматься, тот взмахнул рукавом, резко обернувшись к паланкину.

Ого.

Цзян Чжо приподнял бровь: он никак не ожидал, что этот тип окажется старым знакомым. Да ведь по лицу и комплекции это вылитый Сват! Только этот Сват не накладывал румяна и был облачен в черно-белое академическое ханьфу, изображая из себя просвещенного ученого мужа.

Ученый сделал несколько шагов к паланкину. В силу своей полной невежественности он даже не смог распознать талисманы против зла на его стенках и протянул руку, чтобы сорвать занавеску.

— Пойдите, — с улыбкой произнес Цзян Чжо, отбивая руку ученого веером. — Друг мой, настоятельно советую вам не поднимать эту занавеску.

Изначально он вовсе не собирался совать нос в чужие дела, но раз уж талисманы на паланкине оказались столь мощными, то и заключенная внутри тварь явно представляла собой нечто из ряда вон выходящее. Стоило ей вырваться наружу, как с ней, пожалуй, не справился бы даже он сам, а учиненная катастрофа в первую очередь погубила бы ни в чем не повинных простых людей.

Ученый никак не ожидал, что на оглобле паланкина кто-то сидит! До смерти перепуганный, он отшатнулся на полшага, переменившись в лице:

— Какая еще падаль?!

Цзян Чжо отозвался:

— Ого, да у вас даже слова приветствия точь-в-точь как у того типа! Уж не братец ли ты свата?

Стоило ему упомянуть Свата, как ученый испугался еще сильнее:

— Да кто ты такой в конце концов?!

Цзян Чжо спрыгнул с оглоблей:

— Я-то?..

Не дожидаясь окончания фразы, ученый с резким взмахом бросил сгусток черной субстанции. Цзян Чжо приподнял веер и легко отбил удар. Однако сгусток не отлетел назад, а мгновенно распался на чрезвычайно прочные шелковые нити, опутавшие полотно веера.

Ученый яростно дернул их на себя и рывкнул:

— Вяжи!

Эти нити внезапно взметнулись ввысь и, словно змеи, ринулись на Цзян Чжо. Но стоило им коснуться его рукавов, как они тут же вспыхнули. Цзян Чжо щелкнул пальцами, отменяя технику невидимости, и на его вороте и манжетах ярко, до боли в глазах заалели огненные рыбы, выглядевшие в точности как живые существа.

Во времена, когда Секта Пошо бесчинствовала по всему миру, ее адепты гордо именовали себя потомками солнечного божества Хаошао, поклоняясь прародительнице всех духов Цзюму и ее краснозолотым огненным рыбам. К поколению Цзян Чжо учеников и внуков почти не осталось, и Учитель, опасаясь, что они станут жертвами чужих обид при спуске с горы, приказал вышить огненных рыб на одеждах каждого. Цзян Чжо отличался буйным нравом, так что Учитель лично вышил для него целых шестнадцать штук. И если жители горы Бэйлу ни во что не ставили любые другие сокровища, то к своим одеждам относились с трепетным благоговением.

Цзян Чжо отряхнул рукав:

— Смелый ты малый. Ладно бы просто пытался меня схватить, но если бы испортил одежду — смертью бы тут дело не ограничилось.

Его мягкий, вкрадчивый тон испугал ученика еще больше, но отступать было некуда: раз стрела пущена, она должна лететь. Опасаясь непредвиденных осложнений из-за того, что огненные рыбы на одеждах Цзян Чжо выглядели далеко не простыми, и спеша скормить людей

Минь-гуну любой ценой ради облачения в невесту, ученый сложил пальцы одной руки в печать и прорычал заклинание посильнее:

— Божественные заклęcia смиряют зло, являйтесь по зову немедленно! Воля Тайцина!

Блуждающие огни в пещере вмиг погасли, и по пространству пронеслась волна чудовищной, удушающей злобы, от которой обоим пришлось зажмурить глаза. Бубенчики по углам паланкина зазвенели как безумные; сквозь пролом в своде доносились раскаты грома — погода снаружи испортилась в один миг!

Кто такой этот Тайцин?

Да кто во всем мире не знает этого имени!

Сколько бы злодеяний ни творил Минь-гун, все называли его лишь вредоносным чудищем, но никто не смел величать злым божеством — и вовсе не из уважения к лицу Минь-гуна, а просто потому, что во всех Трех Горах и Шести Землях во все времена существовало лишь одно-единственное Злое Божество! Даже вседозволенное Управление Тяньмин не осмеливалось легкомысленно произносить это имя, а Цзян Чжо и вовсе не допускал подобных мыслей в голове — этот ученый, судя по всему, сошел с ума от чьих-то наущений!

Кости на полу пещеры с сухим треском поднялись на ноги, а встревоженный Минь-гун, разметав угасшие кострища, метнулся в угол. Ученому было некогда возиться с ним: протянув руку в пустоту, он попытался притянуть свадебный паланкин и свирепо прокричал Цзян Чжо:

— Я вовсе не хотел с тобой связываться, но ты сам напросился!

Паланкин взмыл в воздух, но Цзян Чжо снова придавил его ногой к земле. Заметив, что занавеска на паланкине яростно колотится, он вцепился в нее одной рукой — поистине, спереди волк, сзади тигр, приходится охранять оба фронта!

Не сумев притянуть паланкин, ученый нащупал Минь-гуна и голыми руками вырвал из его бока несколько чешуек, проглотив их вместе с кровью. Божественная кровь возымела чудесный эффект: придав ему колоссальный прилив сил, глаза ученого налились кровью. Гортань его издала утробный хрип, тело стремительно вытянулось, уподобившись причудливому зловещему дереву, а голос приобрел громовую раскатистость:

— Повинуйся! Повинуйся! Повинуйся! Воля Тайцина!

От трехкратного повторения этого приказа у Цзян Чжо заложило уши. Раскрыв веер, он выкрикнул:

— Разрыв Шума!

Разрыв Шума состоял из двух иероглифов и был призван призывом молнии оборвать заклинание призыва духов, читаемое ученым. Он не верил, что этот тип способен призвать самого истинного Тайцина, но и появление кого-то иного сулило беду — дело касалось Злого

Божества, здесь нельзя было терять бдительность ни на секунду.

Небеса громыхнули громом, а затем раздался непрерывный треск — молнии одна за другой обрушились на самую вершину пещеры, раскалывая камни вокруг пролома на куски. Минь-гун внезапно взмахнул хвостом, ударив ученого в поясницу. Тот, не ожидав удара, едва не рухнул ниц, но тут же взревел в бешенстве:

— Тварь поганая, я убью тебя для жертвоприношения!

Цзян Чжо снова сложил веер и вновь отдал приказ:

— Разрыв Шума!

Раскрытие и сложение веера обладали разной разрушительной мощью, и раскаты грома после этого окрика временно утихли. Ученый расхохотался во весь голос, а за его спиной сгустилась злобная черная тень:

— Неужели ты думаешь остановить нисхождение Тайцина с помощью пары молний?! Вшивый сопляк, ты опоздал! Я вынашивал планы здесь долгие годы, питаюсь землей, смешанной со злобной ци Тайцина и свежей человеческой кровью. Если бы эта тварь Минь-гун не упрямилась, разве стал бы я тянуть до сегодняшнего дня?!

В пещере повеяло леденящим могильным холодом. Ученый воздел обе руки к небу, словно купаясь в лучах солнца:

— Час нисхождения Тайцина станет моментом достижения вершины моего искусства! Хм, мне как раз требовалось скормить ему еще парочку людишек, а раз ты сам явился на порог, изволь сдохнуть вместе с Минь-гуном!

С этими словами он широко разинул рот и, за счет чудовищного увеличения пропорций, стал походить на гигантского питона даже больше самого Минь-гуна! Он сделал глубокий вдох, и все валявшиеся в пещере трупы, кости, груды мусора и остатки кострищ оторвались от земли, устремляясь напрямик ему в пасть.

Не вынеся этого омерзительного зрелища, Цзян Чжо приказал:

— А ну падай вниз!

Повинуясь повелению, молнии в небесах сбились и сплелись в единый мощный разряд. Раздался оглушительный грохот, вспыхнул ослепительно-фиолетовый свет — и молния прямым ударом обрушилась на голову ученого!

Этот удар потряс землю и расколол небесный свод: пещера мгновенно обрушилась, а ученый даже не успел пикнуть, обратившись в тонкую струйку черного дыма, испарившись так, что даже духом ему стать было не суждено.

Цзян Чжо крутанулся на месте, собираясь подхватить паланкин, но тут под его ногами с сухим хрустом треснул алтарь.

— Скверно! —

Пробормотав заклинание, Цзян Чжо оттолкнулся от обломков камней и взмыл вверх, пытаясь удержать паланкин. Тот оказался неподъемно тяжелым, с силой утягивая его за собой вниз. Его одежды вздымались крыльями алой птицы, стремительно рассекая воздух. Написанные по краям оглобли канонические заклинания против пороков внезапно вспыхнули золотым светом, выходя наружу и закружившись вокруг него и паланкина.

Пло дело, печать разрушалась.

Цзян Чжо протянул руку, накрывая занавеску паланкина, твердо намереваясь наложить еще одно умиротворяющее заклятие:

— Гора Бэйлу умиротворяет реки и горы, секта Пошо укрощает беды и зло...

Ветер растрепал его волосы, на лице читалось редкое для него сосредоточение, а в отражении золотого света проступала суровая, непреклонная решимость.

— Я... —

Последний иероглиф печати еще не успел сорваться с его губ, как занавеска паланкина резко распахнулась, и чья-то невидимая рука перехватила Цзян Чжо за запястье, прерывая его охранный приказ. При их соприкосновении Цзян Чжо почувствовал обжигающий жар; противник, похоже, тоже это заметил и немедленно отпустил его. Когда Цзян Чжо взглянул снова —

Внутри паланкина никого не было, лишь одиноко, набок припал крошечный, величиной с ладонь белый бумажный человечек. Он покачивался из стороны в сторону, и хотя глаз на нем нарисовано не было, казалось, будто он пристально разглядывает Цзян Чжо.

Автор пишет:

Благодарю за чтение.

Статуя великого духа

Видя, что паланкин продолжает падать, бумажный человечек качнулся и едва не выпал наружу. Боясь, что тот сбежит, Цзян Чжо поймал его рукой, после чего, отталкиваясь от падающих обломков камней, сделал несколько прыжков и благополучно приземлился внизу.

На лету конечности бумажного человечка забавно затрепетали на ветру — хлопбысь-хлопбысь, — выходя до жалости незащитно. Оказавшись на земле, Цзян Чжо тотчас извлек Путеводный фонарь и, поднеся бумажную фигурку к самому лицу, принялся ее рассматривать.

Человечек был целиком белым, самого простого покроя — словно кто-то вырезал его из бумаги на скорую руку. Но именно от этого всё происходило еще более странно: неужели талисманы на паланкине наклеили только ради того, чтобы удерживать эту крошечную бумажку?

Цзян Чжо поинтересовался:

— Позвольте спросить, уважаемый...

Бумажный человечек шлеп-шлеп повис на его пальце, изображая крайнюю степень изнеможения — вид у него был такой, будто от звука голоса чуть громче прежнего он готов снова лишиться чувств.

Цзян Чжо выждал паузу и продолжил:

— ...Как вас величать?

Человечек хранил молчание, то ли не расслышав, то ли не поняв ни слова.

Не испытывая ни малейшего страха, Цзян Чжо повертел его во все стороны, не заметив ничего примечательного. Видя же, насколько вялым и обессиленным тот выглядел, он решил пока прихватить вещицу с собой и понаблюдать за развитием событий. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что внизу расстилается просторная, погруженная во тьму пещера — искусственно вырубленный глубокий грот, превосходивший размерами логово ученого, конца и края которому сверху было не разглядеть.

— Ну просто чудесно, — обратился он к бумажному человечку. — Раз мы с тобой провалились сюда, вернуться прежней дорогой уже не выйдет.

Человечек покорно принял к его руке, позволяя вести себя дальше. К несчастью, фитиль Путеводного фонаря погас, так что света едва хватало, чтобы разобрать хоть что-то в размерах этого просторного подземного зала. Не зная дороги, Цзян Чжо шел наугад, словно на обычной прогулке. Как говорится, у горы всегда найдется тропа, а лодка у моста обязательно минует поворот; в худшем случае придется еще разок заглянуть в пасть дракона или логово тигра — выход наверняка отыщется.

Прошагав так добрых полчаса, они почувствовали, как земля под ногами стала влажной. Цзян Чжо уловил глухие звуки капли — кап-кап, — а воздух вокруг сделался еще холоднее и сырее, словно они спустились в какой-то погреб или склеп, где отчетливо несло смрадом тлена. Сделав еще несколько шагов в сплошной тьме, они наткнулись на подземное озеро.